

18+

Паша ГОРБАЧЕВ

БЕЗ ПРАВА НА ОРУЖИЕ

222 урока
самообороны
от закона

Паша Горбачев

**Без права на оружие. 222 урока
самообороны от закона**

«Издательские решения»

Горбачев П.

Без права на оружие. 222 урока самообороны от закона /
П. Горбачев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Понятие «преступление» введено государством: ранее незаконное деяние может быть признано легальным и наоборот. При СССР существовала уголовная статья за операции с иностранной валютой, по которой расстреливали. Сейчас такого нет. Возможно когда-нибудь в России снова будет разрешено владеть оружием на тех же условиях, что и до 1917 года. А как быть, если не хочется ждать? Частично ответ на вопрос дан в этой книге.

Содержание

Откуда такая тяга к оружию	6
Посмотреть Германию и сделать гешефт	12
Как менты проводят проверочную закупку холодного оружия	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Без права на оружие 222 урока самообороны от закона

Паша Горбачев

© Паша Горбачев, 2026

ISBN 978-5-0070-2748-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откуда такая тяга к оружию

Моя личная история взаимоотношений с оружием тянется из самого-самого глубокого детства. Ещё в детском саду моим самым любимым игровым автоматом был «Тир». Такие, знаете, были игровые автоматы, примитивные советские развлечения для детей. Были там, например, «Морской бой», «Гонки», самые разнообразные были автоматы. Но мне больше всего нравилось именно стрелять. И поскольку я был маленький тогда совсем, то для таких детей, как я, был специально даже предусмотрен такой ящик, чтобы можно было встать на него, и тогда ты мог дотянуться до ружья, которое было установлено на этом автомате. Причём это было практически настоящее такое ружьё. Точнее, оно было сделано из пневматического ружья. И ты стрелял через стекло в экран. Там было, по-моему, 20 мишеней, и тебе нужно было одним выстрелом поразить одну мишень. Если ты без промаха всё это поражаешь, то тебе дают призовую игру. И ты можешь ещё один раз уже бесплатно пострелять. А один сеанс стоил там 15 копеек. Чаще всего просил родителей, когда мы оказывались в зале игровых автоматов, чтобы именно пострелять. Я практически всегда стрелял так, что у меня получалось без промаха, и я всегда выбивал себе призовую игру.

Прям мечтал, что однажды когда-нибудь и у меня будет ружьё вот такое. Конечно же, мальчики все бывают разные, я это знаю. Есть мальчики, которые любят какие-то подвижные игры: футбол, салки, казаки-разбойники. Есть мальчики, которые любят тихие игры, есть мальчики, которые любят настольные игры. Есть мальчики, что любят только рисовать, например. Есть мальчики, которые всё любят делать, в том числе и девочек обижать, и за косы дёргать. Есть мальчики, которые с девочками дружат. Отдельные такие мальчики есть. Я был из тех мальчиков, которые, пожалуй, что занимаются всем на свете, кроме того, что они дружат с девочками. Ну, а о чём с ними разговаривать, когда никаких общих точек соприкосновения нет?

Моей самой любимой игрушкой всегда было именно оружие. Ну да. Автомат, пистолет — в войнушку поиграть за немцев или против немцев? Естественно, против немцев. Мы все были наши, а вокруг были воображаемые немцы, и мы против них воевали. Это в детском саду. У меня был пластмассовый автомат с батареей, который издавал звуки, который тоже трещал, но который очень быстро сломался. Батарея села, её потом выкинули и просто бегали вот с этими пластмассовыми автоматами. И кричали «тра-та-та-та-та»! Потом появился по телевизору стали показывать сериал «Спрут». Там полицейский комиссар Каттани всюду бегал с револьвером чёрным. Эти револьверы стали продаваться в «Детском мире», похожие очень на него, на этого бульдога. Что вы думаете? У многих детей появились эти револьверы, и все мы бегали по двору, играли в полицию и, в общем, комиссарами Каттани мы были все.

Потом это всё тоже как-то поломалось, потерялось, немножечко мы постарше стали, уже играли просто в войнушку. У меня был, например, и деревянный автомат, который мне подарил один мальчик постарше. Он его сделал сам на даче, выпилил из доски. Видимо, очень быстро в него наигрался, и мне его подарил. Я потом бегал с этим автоматом. А потом куда-то он у меня тоже пропал. Может быть, другие дети украли, может быть, родители выбросили. Не знаю. После этого я просил у родителей: «Ну, купите мне пистолет какой-нибудь, купите мне револьвер». Но мама прямо упорно, упорно не хотела мне покупать никакого оружия. Видимо, она что-то подозревать начала или уже понимала, что ни к чему хорошему это привести, в принципе, не может: «Откуда такая тяга к оружию? Иди, порисуй!»

Но однажды всё-таки сжалась и купила мне в «Детском мире»... Я помню, что она без меня поехала, купила и привезла какой-то зелёный маленький, какой-то тщедушный револьвер для детей младшего возраста, похожий на Наган. Но вообще это даже близко не стояло с Наганом. Он был очень лёгкий и щёлкал как-то очень прямо позорно. В общем, я был очень

расстроен. Не такой револьвер мне хотелось. Потом ещё и собака его погрызла, и у него дуло было погрызенное. Играть в него было невозможно. В общем, долго я переживал. Я с ним не играл, не воспринимал как игрушку или как вещь, которую бы мне хотелось бы иметь.

Летом я был бабушки, там каким-то образом ко мне попал металлический, сделанный из алюминия, пистолет. Он очень был похож на пистолет Макарова, прямо один в один. Он был зелёный, покрашенный зелёной краской, но накладки у него были чёрные. Что вы думаете? Да, он щёлкал, он должен был функционировать при помощи пистонов. Пistoны тогда, естественно, взять было неоткуда. А где их возьмёшь? Надо покупать, чтобы купить — нужны деньги. А какие деньги у мальчика девяти-десяти лет? Нет таких денег ни у кого. Никто тебе их не даст, бабушка не дала бы. В общем, я просто бегал и щёлкал этим пистолетом. И в какой-то момент я подумал: «А что он зелёный такой? Надо с него содрать краску». Где-то я раздобыл надфиль, наждачку. В общем, я его разобрал, отчистил от этой зелёной краски. Он стал блестящим. Металл белого цвета. Снова его собрал, он стал снова щёлкать. И у меня оказался в руках такой приличный такой пистолет, который я с собой таскал, когда мы в войнушку играли. В общем, это была вещь, которая того стоила. Я был при оружии, понимаете?

Это Краснодар, всё-таки южный город. У детей появились водяные пистолеты. У меня водяного пистолета не было. В какой-то момент мне просто кто-то из друзей подарил сломанный водяной пистолет, и он был в виде Кольта чёрного цвета. А мне, собственно, его возможность стрелять водой была даже неинтересна. Мне была интересна сама именно чёрная штука в руке. И я уже с этим Кольтом 1911 потом бегал. Тоже был доволен. Причём, как я сейчас понимаю, это был очень прочный какой-то пистолет, сделанный из очень прочного пластика. Его невозможно было сломать никаким образом. Там просто сломался именно сам механизм стрельбы водой, кнопка, поршень или что-то там такое. А как вещь в руке он вполне был реальным, поэтому мне это нравилось. Потом наступил мой день рождения, и бабушка, видя моё рвение и мои интересы, повела меня в «Детский мир» и там она спросила: «Ну, что ты хочешь?» Я говорю: «Вот!»

Там лежал на витрине автомат Калашникова, маленький такой, из пластмассы красного цвета. К нему примыкался пластиковый синий штык, магазин от него можно было отстегнуть. Он был сделан из жёлтой пластмассы. И рукоятка была тоже из жёлтой пластмассы, её тоже можно было снять. И приклад был из жёлтой пластмассы. Вот такой трёхцветный автомат. Он не разбирался, естественно, это просто был такой мягкий, в общем-то, даже очень мягкий пластик, полиэтилен, если быть точным. Но выглядел отлично, просто отлично. И я говорю: «Вот, купи мне вот это!» Она мне купила. И с тех пор именно автомат Калашникова такой маленький — это была моя игрушка, с которой я бегал.

Мы играли в войнушку там везде с мальчиками. Но через какое-то время у моего друга Юрика появился тоже автомат Калашникова, который ему купили. Но это был полностью чёрный автомат Калашникова. Он был побольше и он выглядел, конечно, посерьёзнее, посолиднее, чем мой. Но и то было оружие, поэтому я особо не завидовал. И мне нравился мой автомат, например. Хотя тот был тоже крутой, мощный, но мне нравилось своё. Это вкратце об оружии.

А потом ещё через год или через два, уже оказавшись снова в Краснодаре, я получил от бабушки в подарок настоящую винтовку пневматическую ИЖ-38, которую мы с ней купили в спортивном магазине мне на день рождения! Она мне купила и пульки, самое главное — настоящие пульки.

Вот тогда-то я почувствовал всю разницу между игрушечным оружием и настоящим. Это ружьё было то самое, из которого я стрелял в игровом автомате, только там оно было закреплено на стенде, и его можно было только двигать и стрелять в экран. А это уже было моё собственное, его можно было переламявать, зарядить пулькой свинцовой, прицелиться, выставив, естественно мушку и целик заблаговременно, выстрелить и попасть, например, в бумагу. Или в бутылку. И бутылку можно было разбить, если не очень далеко отойти. Вот это была, конечно,

вещь, это была мощь! Но мне сказали: «Не дай Бог ты где-то что-то разобьёшь или что-то произойдёт нехорошее, в общем — тебе хана!» Я сразу понял всё, ни одного инцидента, связанного с какими-то последствиями стрельбы из пневматики там во дворе я не допустил.

Если я стрелял по бутылкам, то где-то там за туалетами, где-то за помойкой. И в птиц я не стрелял никогда, не позволял себе такой гадости. Потому что я понимал, что можно, в принципе, укокошить живое существо. А мне этого не хотелось. По кошкам или по собакам я тоже никогда не стрелял, потому что понимал тот вред, который может нанести пулька животному, и для меня это было просто ниже моего уровня сознания. Я себе такого никогда не позволил бы. Мне это даже было неинтересно. Я понимал уже изначально, что именно я держу в руках. А стрелял я много. Отстрелял одну упаковку пульек, попросил у бабушки денег, пошёл, купил на рынке ещё одну упаковку. И вот так потихонечку стрелял. Конечно, экономил, потому что бы мне слишком часто бы не давали денег для того, чтобы покупать пульки. Поэтому я экономил, старался целиться, стрелять метко. Я уже понимал, что на разные расстояния пулька летит по-разному. И прицел для близкой стрельбы — это не то же самое, что прицел для далёкой стрельбы. То есть, существует аэродинамика, существует настильность и так далее. Про это я, естественно, не мог прочитать, но я уже понимал, что существуют различные физические явления, связанные именно со стрельбой. И мне это, безусловно, нравилось, сам факт обладание именно таким оружием пневматическим. Также у меня были в детстве разные револьверы на пистонах, но именно пневматическая винтовка, вот как только она у меня появилась, она затмила всё. Всё остальное игрушечное оружие, которое пиф-паф, уже для меня не существовало, а пневматика осталась со мной очень надолго. Периодически, я помню, летом открывал окно уже в Москве и стрелял по листьям распустившихся деревьев. А потом ещё в бинокль наблюдал, соответственно, попадание. Ближайшее дерево было в метрах в двадцати-тридцати от моего окна. Я сначала смотрел в бинокль, примечал вот такие вот листочки, потом с открытого прицела стрелял по этим листочкам, а потом снова смотрел в бинокль и оценивал, куда же я попал?

На улицу я старался ружьё не выносить в Москве и нигде его не светить, потому что это было тогда не совсем законно и неправильно было бы. Неправильно было бы развлекаться стрельбой по бутылкам. Иногда в школьные годы, уже когда у меня эта винтовка была, мы с друзьями из класса заходили в тир небольшой и по десять пульек стреляли в тире из таких же пневматических винтовок. Но там они были очень сильно все поизношенные, прицелы там были сбиты. Мы стреляли, как я сейчас помню, по зажжённым свечкам. Иногда получалось погасить, иногда нет. Иногда и чаще мы стреляли просто по мишеням, которые падали при попадании. Но особого интереса в этом тоже не было. Там расстояние было небольшое, маленький тир, 10 пульек, что это такое? Тогда как дома есть собственная пневматическая винтовка, и пульек было гораздо больше и свободы больше.

Я понимаю, что у меня главная игрушка из детства и игрушка во взрослом возрасте — это оружие. машинками я, как таковыми, никогда особо не интересовался так, как этим интересовались мои разные друзья. Например, собирали машинки в коллекции, играли в машинки, воображали себя водителями или гонщиками. Нет, мне это было совершенно неинтересно. Да, я мог за компанию с ними поиграть в машинки, но не более того. У каких-то детей были интересы покататься на велосипеде, активные игры или погонять в футбол. Ну, я за компанию мог поиграть в футбол. За компанию я тоже катался на велосипеде. Но прямо такого следа в сердце моём ничего, кроме как оружие, оставить не могло и не оставило. И вот оттуда мы, если понимаем в психологии, если мы начинаем это всё анализировать, мы понимаем, где лежат у человека мотивы его.

И уже во взрослую жизнь я, естественно, перешёл с чётким пониманием: когда мне исполнится 18 лет и потом, когда у меня появятся свои собственные деньги, я обязательно, имея законные основания, куплю себе настоящее огнестрельное оружие. У меня обязательно будет.

Я даже не сомневался. Я понимал, насколько это ответственная вещь — владение оружием. И уж тем более его использование. Охотником быть я, соответственно, не хотел ни в коем разе. Но, по существовавшим тогда правилам, гораздо проще было тебе получить лицензию на оружие — это было гладкоствольное охотничье длинноствольное оружие — если ты состоял в охотничьем обществе. Соответственно, сначала проще было поступить в это охотничье общество, и уже потом обращаться в соответствующие лицензирующие органы Министерства внутренних дел. Вопрос: «Зачем тебе ружьё?» Ответ: «Ходить на охоту». Всё. И это было гораздо проще сделать. И так, в общем-то, оно и получилось. Первое моё гладкоствольное оружие было охотничьим, это был карабин «Сайга-12К».

Я его купил, естественно, не для охоты, а для того, чтобы начать обращаться с настоящим оружием. Всё-таки двенадцатый калибр — это серьёзно. Было мне тогда уже лет 25 или 26, может быть. Это был вполне осознанный и подготовленный шаг. После того, как я купил этот гладкоствольный охотничий карабин, я два раза ездил с ним в тир, чтобы из него пострелять. И, конечно, был неприятно удивлён очень сильной отдачей после выстрела из двенадцатого калибра. Но также был ещё более неприятно удивлён стоимостью патронов. Пачка 10 патронов стоила на тот момент серьёзных денег, а всего лишь там час пострелять — это 20 патронов только так. В тире, и то по бумаге там, и то на расстоянии 50 м по шарикам воздушным. То есть потратить весомую часть зарплаты своей за один день. Это было накладно для молодого человека. Да, понятно, оружие мощное, я стрелял и пулей, и дробью. Я понимал, что мог наделать выстрел пулей при соприкосновении с живым организмом человека, например, это было просто сверхчудовищно — двенадцатый калибр. Поэтому я понял, что мне этого знания достаточно. Теперь поставим это всё в сейф в чистом виде, пускай хранится, иногда я буду щёлкать им, чтобы руки не забывали, как держать в руке приклад, оружие, как целиться, но чтобы вот куда-то ездить в тир постоянно — этого желания у меня уже не было. Потому что это всё-таки дорого, и потому что это всё-таки достаточно тяжёлая нагрузка. После первого раза я обнаружил у себя приличные синяки на плече. Хотя стреляли мы там 10 или 20 патронов всего. То есть вся серьёзность обращения с оружием была мне понятна.

А вот тяга к оружию у меня не прошла, не прекратилась, и я решил так, что пройдёт 5 лет, будет у меня стаж владения гладкоствольным, по достижении которого я получу возможность купить себе нарезное оружие. Тогда я куплю себе нарезное какую-нибудь винтовочку, какой-нибудь карабин, и смогу по-настоящему прочувствовать — что же такое боевое оружие в твоих руках? У меня ещё был также газовый пистолет калибра 7,62 мм, сделанный из пистолета Макарова для газового патрона. Я его купил с рук, естественно, зарегистрировал, как положено в ЛРО. У меня была лицензия на огнестрельное оружие ограниченного поражения и на газовое. Однажды отстрелял эти маленькие газовые патрончики на улице и понял, что это всё полностью шутка, ерунда какая-то, совершенно неэффективная ни для самообороны, ни для подачи сигнала. Так у меня этот пистолет и валялся потом без патронов. С его помощью можно было тоже тренироваться вхолостую, в общем, сборка-разборка и чистка. Потом у меня впоследствии, когда я уже воевал с квартирными рейдерами, у меня был ещё травматический пистолет ограниченного поражения. Это был «Гроза-02», пистолет сделанный на основе украинского пистолета «Форт». И это был, конечно, мощный пистолет, он стрелял резиновыми шариками 9 мм. Однажды я выехал за город протестировать мощност, потому что тогда я действительно находился в жёстком противостоянии с пермскими квартирными рейдерами. И вопрос реальной самообороны тогда для меня стоял действительно на острие. Надо было понимать мощност этого пистолета. Пострелял в сырую ДСП с расстояния 5 м, этот шарик пробивал ДСП насквозь. Вот сколько раз в неё попал, столько раз пробил, вырывая с обратной стороны куски плиты, стружки. Я понял, что это, наверное, даже чересчур мощное оружие, которое на ближней дистанции может человека очень сильно травмировать, и ни в коем случае

нельзя стрелять ни в глаза, ни в голову, потому что вместо самообороны что-то непоправимое может случиться, а мне это было не нужно. Я это тоже чётко понимал.

У меня всегда было очень адекватное отношение к тому, что я делаю, что я держу в руках и что я применяю, и буду ли я применять вообще. Поэтому я этот пистолет хоть с собой и носил, но держал только на самый крайний случай. А когда опасность миновала, и когда началась история с правоохранителями, о которой я дальше буду рассказывать, то я, конечно же, с лёгкостью и с радостью от этого травматического пистолета избавился. Но не буду забегать вперёд, я обо всём расскажу.

Просто чтобы вы понимали, что оружие я любил с детства, оно всегда меня окружало, сопровождало. Причём это не было чем-то навязанным извне. То есть, мне никто из родителей или из друзей не подсовывал какие-то пестики, мол, смотри, вот тебе игрушка. Ни у кого из моих друзей-знакомых больше такой тяги именно по оружейной тематике я не наблюдал. То есть, это моё собственное такое качество и свойство, мой собственный личный интерес, который которым я просто следовал и не считал это чем-то зазорным или чем-то неискренним или чем-то случайным. Это было то, что было нужно мне лично. Впоследствии, когда появилась возможность, я себе на день рождения подарил уже, будучи взрослым человеком, макет немецкого раритетного пистолета Вальтер П-38. Оригинальный, сделанный из боевого оружия. Это был макет ММГ украинского производства. В те времена это было достаточно распространено в оружейном мире. Было это более-менее свободно. И поскольку никаких особых границ с Украиной тогда не было, ни таможенных, ни каких-то реальных, то можно было привезти через проводника поезда. По почте это было сделать невозможно, потому что всё-таки почтовые отправления между государствами контролировались, просвечивались сканерами и рентгенами. И всё-таки были определённые разночтения и в нашем законодательстве, и в украинском законодательстве, которые не позволяли этим предметам свободно курсировать между государствами через границу. Но на Украине они были абсолютно легальны, абсолютно свободны подобного рода ММГ пистолетов, винтовок, пулемётов ручных, пулемётов станковых, револьверов самых разнообразных. Всё это было из арсеналов времён Второй мировой войны, было оружие времён Вьетнамской войны, советское оружие старое, каких-то очень-очень изношенных категорий хранения, которые просто превращались путём распиловки основных частей и приведением в негодное для стрельбы состояние просто в сувениры, в макеты. И вот таким образом поступали на легальный гражданский рынок на Украине. Соответственно, можно было, относительно спокойно это всё купить с доставкой в Россию. К нам это текло в течение ряда лет достаточно свободно такими большими потоками, пока, наконец, это списанное охолощённое оружие некоторые нехорошие люди не стали реконверсировать, не стали превращать его снова в стреляющее. И как только полицейские и ФСБшники стали задерживать, арестовывать и изымать вот такое оружие боевое в больших количествах, в ранее недостижимых, то они выяснили, каков же всё-таки источник этого происхождения этого оружия, и стали потихонечку закручивать гайки.

Ну, я успел. Я купил себе ММГ Вальтер П-38. Мне его доставил проводник поезда Харьков-Москва. Я его забрал тогда прямо из поезда. Тогда не было тех мер безопасности на вокзалах, которые есть сейчас. Может быть, даже были рамки металлоискателя на выходе. Но я просто прошёл туда с пустым рюкзаком и вернулся обратно уже с рюкзаком, в котором был у меня этот макет ММГ Вальтера П-38. Спокойно прошёл, приехал домой. И дома я нащёлкался им, разобрал его несчётное количество раз, собирал снова, чтобы понять механику взаимодействия частей, деталей. Он был заварен, запилен, и из него невозможно было выстрелить боевым патроном. Это было очень красиво, это был очень красивый подарок. Такой подарок бы мне никто никогда не сделал. Вот я сейчас понимаю, что никто бы не догадался, что мне хочется вот такое. Никто не потратил бы столько денег мне на такой подарок. Никакие друзья, никакие коллеги бы в жизни такое бы не подарили. Поэтому я взял и сделал сам себе подарок.

Который пробыл года три со мной, пока, наконец, он мне просто не надоел. Тогда я его продал, причём за большие деньги, чем купил.

Купив его за 35 000 руб. и продав за 50 000 руб. через несколько лет, я, получается, сделал нехилую такую инвестицию. А если бы мне этот опыт повторить, причём, не ожидая 3 года, да? Купить дешёво и продать дорого! Не просто повторить, а сделать это возможностью дополнительного заработка для себя. И как только эта мысль у меня возникла, с этого всё и началось.

Посмотреть Германию и сделать гешефт

А эта история произошла во второй половине марта 2013 года. Мы с моей будущей женой поехали в Германию на две недели, как сейчас помню, по какой-то супер-дешёвой путёвке, потому что это был невысокий сезон. В этом курортном местечке, оно называлось Бад-Кройцнах. Бад означает, что там всякие купальни есть, а Кройцнах — собственно название того маленького городка, в котором это всё находилось и находится до сих пор. Можно много рассказать об истории этого небольшого городка, но он настолько маленький, что, по сравнению с Москвой и с какими-нибудь более крупными немецкими городами, он не заслуживает внимания по большей части потому, что это обычный маленький бюргерский такой городочек. Его славит на весь мир, пожалуй, даже не этот курорт с соляными градиринями, а фабрика «Шнайдер-Кройцнах», которая выпускала во время Второй Мировой войны оптические прицелы, перископы для подводных лодок.

У нас был выбор: поехать куда-нибудь в тёплый Таиланд или ещё куда-нибудь. Ну, моя будущая жена так думала, что у нас есть выбор. И мне его так мило предлагала, любезно, мол, давай, на море поедem в эту весну. Там тоже, в принципе, были недорогие билеты и путёвка была какая-то копеечная. Либо, говорит, вот есть вариант, нам предлагают в Германию поехать. Вот что, что мы хотим? Я говорю: «Мы хотим в Германию». Ей ничего не оставалось, кроме как согласиться. Мы правильно сделали, что так поступили.

Потому что искупаться в каком-то безвестном тайландском море и там походить голышом практически по пляжу — это можно всегда. А посетить загнивающую старушку-Европу в преддверии её окончательного заката — это шанс, который выпадает не каждому. Хотя есть люди, которые постоянно ездят в Германию, есть люди, которые не живут в Германии и радуются, что они там живут. Есть люди, которые не радуются, что они живут в Германии. Наши соотечественники бывшие, например. Но и есть немцы, которые живут в Германии, и ничего им не остаётся, кроме как там жить и проживать, и всё это наблюдать своими собственными несчастными немецкими глазами. Напомню, это был 2013-й год.

Мы из Москвы через «Домодедово» прилетели в город Франкфурт-на-Майне. Достаточно крупный город, и у нас был уже проложен маршрут, как нам добраться с минимальной потерей времени до городка Бад-Кройцнах. Я уже это всё составил, нам нужно было выйти из аэропорта и дойти до вокзала. А там он рядом практически, через подземный переход надо просто спуститься — и вот ты уже на перронах и возле касс. Это надо всё рассказывать подробно, потому что для обычного российского глаза и просто обывателя всё выглядело очень непривычно и крайне, как бы это немцы сказали «комишвайзе».

То есть, звучит как будто комично, но на самом деле «комиш» или «комишвайзе» — означает «странно, странным образом». Комиш — это странный, это не комичный и ни в коем случае не смешной.

Подхожу я к кассе, чтобы купить билеты, и вижу, что там такая стеклянная касса, всё это по-европейски сделано, очень так открыто. В ней своеобразно сидит мужчина в отглаженном форменном пиджаке немецких железных дорог «Дойче Банн» и в фуражке форменной и продаёт билеты. Но вид у него, как будто он какая-то звезда из порно-шоу. Абсолютно такая же у него внешность, он как-то очень аккуратно выбрит. Такая, знаете, щетина у него полумиллиметровая, как будто перед тем, как выйти на работу, ему это сделали. Весь он какой-то сверхухоженный, морщины у него какие-то сверхразглаженные. И самое главное, серьги в ушах у него. Он улыбается по-порнушному всем. Это было очень приятно, конечно. Приобрели мы билеты в этой порно-кассе, стали ждать поезда.

Сейчас у нас уже это привычно, у нас уже по МЦК ходят эти самые «Ласточки» и прочие модные поезда — такие же, как ходили тогда там по пригородному сообщению между Франк-

фуртом и маленькими городками. Вот такие же поезда! Заходишь ты, как на МЦК, садишься на сидячее место и едешь. Вот мы сели и поехали, стали смотреть в окно.

А в окне, собственно, ничего примечательного нет. Серая такая погодка, утречко такое совершенно будничное. Пейзажи, ничем, в принципе, не отличающиеся от каких-то подмосковных. Единственное, что чуть-чуть, может быть, было там почище, поопрятнее всё вокруг. Хотя и мусор тоже там встречался вдоль железнодорожных путей, но заборчики были, конечно, очень аккуратные и все строго перпендикулярно и горизонтально сделано. То есть, ни одного покосившегося заборчика, ни одного завалившегося столбика нигде не было. Везде всё было ровно, аккуратно. Ты понимаешь, что ты в Германии. И, в принципе, все заборы были аккуратно покрашены, наверное, ещё с момента установки. Почему-то у них так получается, что заборчики, заборы и заборища не облупляются, что ли? Какая-то у них супертехнология, может быть, даже внеземная?

Ну, ладно, едем мы. Вдруг я вижу огромное такое здание какого-то цеха. Видно, что цех современный, обновляемый достаточно часто. И надпись на нём «Опель». Рядом парковка, где стоят только машины марки «Опель». Я понимаю, как владелец автомобиля такой марки, что мы проезжаем завод «Опель» в Рюссельсхайме. Проехали довольно-таки долго через цеха завода. Потом закончились они резко, какие-то городки пошли, маленькие строения, немецкие аккуратненькие, находящиеся прямо воткнутые в поля.

В общем, знаете, как? Вот обычная, в принципе, российская действительность, только чуть-чуть более облагороженная, вот ни дать ни взять. Эта земля, насколько я помню, относится уже к Северной Рейн-Вестфалии, а это уже всё-таки Западная Германия, ребята. Если приложить к нашей суровой действительности немножко аккуратности, порядочности, не мусорить и не блевать где попало, то будет то же самое, что и в Германии, ребята. То же самое. И поезда у нас сейчас такие же, как тогда были в Германии. Мы живём, можно сказать, в Европе. Забегая вперёд, вам доложу, что мы живём в улучшенной версии Европы. Это так.

Короче, доехали мы до этого городка, вышли. Стоянка там 2 мин. и поезд дальше поехал. Мы оказались реконструируемой платформе с деревянным настилом. Вокруг было видно по всему, что идёт реконструкция этой старой платформы, которой 100 лет в обед. Поблизости там за несколькими путями находилось здание вокзала, очень аккуратное, очень качественно отреставрированное, если можно так сказать. По-немецки всё было сделано аккуратно, без единого отколупавшегося кусочка штукатурки. Всё аккуратно. Но чтобы добраться до него, нужно было перейти через какие-то временные лестницы. Мне пришлось оба чемодана тащить наверх, потом мы переходили через этот виадук, потом спускались вниз по деревянным ступенькам. Мне казалось, что мы добрались до какого-нибудь Тимашёвска, «вагончик тронется, перрон останется» — такая вот была атмосфера.

Хотя вокруг Европа, немцы, а всё такое же, в принципе, провинциальное, недоделанное, кое-где полузаброшенное и оставленное на перекур, как у нас часто это бывает. То есть вот работали-работали, на перекур ушли и бросили, не доделали.

В общем, прошли мимо вокзала. Вокзал аккуратненький, я так запомнил его, потому что нам впоследствии придётся с него ещё отъезжать обратно не раз в сторону Майна, в сторону Франкфурта мы ездили. Мы пошли вперёд просто пешочком с чемоданами, в сторону отеля. Он был на какой-то дальней улице, я уж сейчас не помню название. Улиц там немного, одна главная, которая ведёт куда-то в сторону Люксембурга.

Там 150 км, и уже будет Люксембург. Вдоль реки Наэ расположен этот город. Он небольшой, совсем маленький, там старые средневековые домишки. Жизнь там очень размеренная, можно сказать, даже замершая. Замерла там жизнь. И только машина, которая ездит по этому шоссе, вот по этой дороге туда-сюда на довольно-таки большой скорости, напоминает о том, что вот жизнь идёт. Это будний день. Все люди на работе. Никто из детей не бегает вокруг домов, потому что все в школах либо в детских садах. Потихонечку дочапали мы, нашли этот

отель, заселились в него, заплатили ещё по 15 евро туристического сбора. Стали мы там обжигаться, вышли на прогулочку, походили, посмотрели, что из себя представляет этот городок маленький. Там есть ещё пара отельчиков уже более высокого уровня, чем наш. Мы были в трёхзвёздочном отеле. А был ещё четырёхзвёздочный «Кайзерхоф». Куда мы, кстати, заходили, чтобы воспользоваться Интернетом и просто посидеть-отдохнуть, потому что ноженьки наши уже уставали.

Вокруг просто были дома жителей, частный сектор, назовём его так. Но это выглядело очень аккуратно, очень строго. И ты ни в коей мере не подумал бы, что здесь живут обычные жители, что здесь они проживают свои обычные дни. Потому что всё выглядело действительно очень прямо строго, перпендикулярно, опрятно, аккуратно. Как где-нибудь в центре Москвы, где-нибудь возле бутика. И так мог выглядеть какой-нибудь бутик, а это был просто обычный дом двухэтажный, может быть, на две семьи, может быть, на три. Три квартиры, например, и стояли машины у тротуара, и везде были указатели тарифных счётчиков, что вот это место должно быть оплачено, если машина там стоит. Но если вы здесь живёте, то у вас есть разрешение на парковку за резидентное место, и вы платите раз в год какую-то сумму. Для тех, кто сюда приехал на машине, предусмотрена почасовая оплата. Туристы должны платить. Платить надо за всё. Это маленькая зарисовка, как мы познакомились с местом в первые наши часы пребывания в Германии. А самое интересное произошло, собственно, ради чего я лично туда ехал?

Я хотел посетить один, два, три, пять, десять (сколько удастся) оружейных магазинов в Германии, чтобы при личном контакте спрашивать, есть ли у них тут какой-нибудь интересенький военный антиквариат в виде неосновных запчастей для оружия, для антикварных образцов, может быть, для чего-то современного. Всё, что касается оружия, меня интересовало. Я хотел найти такое место и такую возможность искал, чтобы купить это всё по дешёвке. Чтобы привезти это и продать уже, соответственно, у себя в России подороже.

Преследовал исключительно бизнес-цели, совмещённые в этой поездке с небольшим таким культурно-ознакомительным контентом. Моей жене ничего не оставалось, кроме как мне сопутствовать, если мы выезжали в какие-то отдалённые города. Мы тогда везде ходили вместе. Я её насиловал этими пешими прогулками. А она хотела заходить в какие-то магазины, торговый центры с одеждой и обувью. В этом маленьком городе, как оказалось, есть только один оружейный магазин. Где за прилавком сидел пожилой дядка-продавец, может быть, даже ветеран Второй мировой войны с немецкой стороны. Это, наверное, было семейное предприятие, и там были его родственники, племянники, может быть, дети, внуки тоже там продавали. Я там старался говорить только по-немецки, потому что по-английски они ни черта не понимают, а немецкий я уже изучил более-менее на разговорном уровне в Гёте-институте. Я там учился в течение трёх сезонов к тому моменту и мог вполне сносно изъясняться на бытовом уровне, чтобы что-то купить и объяснить, что мне нужно. Технической лексики я, конечно, не знал, но всё схватывал на лету. Поэтому я к этому дедушке обратился, говорю: «Здравствуйте, есть ли у вас что-нибудь интересное из антикварного оружия? Может быть? Покажите!» И так далее. Он говорит: «У нас, к сожалению, ничего нет, вот всё, что есть на витринах, можете сами изучить, посмотреть. А вот то, что вы спрашиваете, антикварное что-то, ничего этого у нас нет». Я посмотрел-посмотрел. Они там в основном занимались ремонтом, обслуживанием оружия, у них оружейная мастерская небольшая. Видимо, для жителей близлежащих деревень, городков. Всё там очень локальное и ничего особенного у них там не продавалось. Может быть, несколько охотничьих ружей дорогих с прицелами. Немцы — известные охотники, у них это всё до сих пор культивируется. А вот что-то такое вот интересное, что заинтересовало бы меня и моих покупателей в России, такого ничего не было. Поэтому мы погуляли ещё сколько-то, потом потратили время, чтобы потусоваться в купальнях этого Бад-Кройцнаха, в соляных ваннах искупались, потом просто погуляли, потом просто отдохнули. В какой-то из дней уже

ближе, наверное, к концу поездки мы поехали в город Майнц. Я узнал в Интернете, что там есть несколько оружейных магазинов.

Майнц — большой город. И с культурной точки зрения походить по его улицам было бы интересно. Он находится прямо на берегу Рейна. Может быть, пообедать где-то там, с гастрономическими целями походить. Конечно, заглянуть в какой-нибудь из оружейных магазинов. Так оно и произошло. Вот мы гуляли-гуляли, где-то пообедали, где-то отдохнули, перекусили, пошли дальше, наблюдали всякие интересные площади, римские развалины какие-то, оставшиеся ещё от Римской империи: камни, какие-то арки, какие-то остатки укреплений в самом центре. Вдруг — что такое? Подходим ближе, и вижу вывеску прямо на доме, на первом этаже. Значит, оружие и мишень какая-то. В общем, ваффен.

Нам надо туда зайти! Говорю: «Давай зайдём». Заходим мы в этот магазин, а там — пусто, никого нет. То есть и продавца нет, и покупателей — никого нет. Вот тебе и будний день. Все люди на работе, и только мы, празднично шатающиеся туристы, заинтересовались и зашли, парочка такая. Конечно, там хозяева были. И как только они услышали, что кто-то вошёл, то вышел навстречу к покупателям мужчина средних лет: «Добрый день, добрый день! Что вы хотели?» Я говорю: «Ищу вот, может быть, есть у вас что-нибудь, может быть, у вас Люгер есть на запчасти? Меня интересуют любые запчасти: Вальтер, МП-40, что-то такое антикварное из немецкого оружия». У него было много всякого оружия, и были у него и пистолеты современные Зиг-Зауэр, конечно, Глоки — всё такое было. Были ружья охотничьи, нарезные стволы там были, были гладкоствольные ружья. И он говорит: «Ну, вы знаете, я так посмотрел на свою витрину свежим взглядом, есть кое-что. Вот есть Люгер, — говорит, — есть Люгер. Но мы его вам продать не можем, поскольку вы, наверное, иностранец, а у вас нет лицензии». Ну, вот так. Я говорю: «Да, действительно, я иностранец, у меня нет лицензии. Но меня интересуют любые запчасти». Я уже вцепился взглядом в этот Люгер, в эту чёрную блестящую машинку Парабеллум. Он лежал там у него за витриной. И у него через защиту спускового крючка был пропущена белая ниточка с ценником. Там было написано 325 евро. То есть, если бы я жил в Германии, у меня была лицензия, если бы я был членом стрелкового общества, я бы мог за 325 евро купить этот боевой Люгер. 325. Вы можете посчитать на те деньги, тогда 42 рубля стоил евро. Меньше 14 000 руб.! На нынешние деньги это бы стоило в районе тридцатки. Можно было купить легко. И думаю, что и сейчас можно.

— А он, что боевой реально?

— Да-да, боевой. Вот, сдали на комиссию.

— Можно посмотреть?

— Да, пожалуйста.

Я беру в руки этот Люгер, действительно — всё-всё родное, всё боевое. По-моему, это был пистолет производства DWM, там был такой красивый вензель у него на мотыле. Очень-очень в хорошем состоянии, некопанный. Даже не то чтобы некопанный, он не видел земли, не видел ржавчины; в родном покрытии, воронённый металл, рифленые накладки из дуба. Я говорю: «Может быть, я бы купил бы его... Смотрите, я бы за него заплатил эту цену. Но, поскольку я не могу купить у вас легально ствол целиком или основные части, сам затворчик маленький, да и рамку я не могу, а вот все остальные запчасти я бы купил бы за эту цену, а остальное я бы вам отдал, вернул обратно. Как вы на это смотрите?» Он говорит: «Да, да-да-да». Хваткий мужик, толковый, сразу говорит: «Да-да, давайте попробуем. Только единственный момент: у меня сейчас нет оружейника, потому что уже мы в преддверии Пасхи немецкой. И оружейник сейчас не здесь, только в следующий понедельник будет». Я говорю: «Какая жалость. Мы уже улетаем скоро, на выходных уже должны улетать, сюда не сможем приехать снова. Может быть, обойдёмся без оружейника?» Он говорит: «Но как мы обойдёмся? Я не умею разбирать, не знаю, как он разбирается». Я говорю: «Так, может быть, вы дадите мне

молоточек, отвёрточку? Я умею разбирать Люгер». Он говорит: «Ну, давай, попробуй». Там жена у него в подсобке сидит. Он с ней как-то общается, и она его спрашивает.

— Что там такое там, что они хотят?

— Да вот, хотят Люгер купить по запчастям.

— Ну, ты понимаешь, что ведь надо разобрать его, чтобы изъять как бы основные части, не продать их, а только мелкие запчастюшки можно продавать.

— Да-да, конечно.

— А как быть? Нет нашего оружейника. Как он разберёт?

— Так он сам разберёт. Сам разберётся.

— А, ну, раз сам, тогда хорошо.

В общем, даёт хозяин лавки мне маленькую отвёрточку. Первым делом я сделал неполную разборку, мгновенно разбираю пистолет. И он на меня смотрит и внимательно так изучает, сверлит изучающим взглядом. Я спокойненько всё разделяю, нужные мне запчасти откладываю. Потом прошу отвёртку, чтобы выкрутить винты накладок. Винты тоже отдельно складываю. Снимаю аккуратненько их, сделанные из прекрасного дуба рифлёные рукоятки, потом вытаскиваю магазин тоже. Спусковой крючок, тяги, всё-всё-всё до последней практически детали я оттуда забрал. Единственное, что я не смог разобрать — это затвор с мотыльём. Хотя мотыль бы я забрал законно, можно было, в принципе, постучать там, если была бы выколотка и молоток. Но там были стеклянные витрины, как-то мне несподручно там стучать, долбиться. Я подумал: «Бог с ним, ладно, мотыль, хрен с ним, мне не надо». Но абсолютно все запчасти, которые можно было снять с этого Люгера, я отгрёб в сторону, говорю: «Вот, смотрите, вот вам ствол, так называемая вилка с затвором, и рамка. Вот это я вам отдаю. Вот только затвор, к сожалению, не удаётся мне его разобрать просто так. Он там, видимо, запрессован, надо либо выпрессовывать, либо выбивать. Вот оно всё». Он говорит: «Хорошо, хорошо, значит, вот это 325 евро. Вы готовы?» Я говорю: «Да, готов, а с этими деталями основными, которые остались, что вы будете делать?» Хозяин говорит: «На уничтожение, это всё уже. Как бы продажа состоялась, это всё...»

Я думаю, может быть, он куда-то это ещё и дел бы впоследствии. Но бизнес он свой сделал, его задача как продавца состоялась, и моя задача как покупателя тоже была выполнена. Теперь осталось немного, я говорю: «Я ещё бы у вас что-нибудь купил. У вас есть магазины на тот же Люгер? Может быть, оригинальные, может быть, современные. Что у вас есть?» Он говорит: «А вот там посмотрите, у нас там в другой витрине есть магазины современного производства для Люгера». Я посмотрел, Боже мой, там магазины современные, что-то по 20 евро стоил каждый. Говорю: «Я возьму, у вас сколько их тут есть? Ну, не за 20, может, подешевле отдадите?» Хозяин на все готов: «Да, хорошо, ладно, сделаю вам скидочку». В общем, у меня примерно 400 евро насчиталось как общий итог моей покупки в этом магазинчике. А он говорит: «Вот 400 евро. Я вам сделаю ещё инвойс для самолёта. Я так понимаю, вы будете же улетать, да? Вот я вам делаю инвойс, чтобы он подешевле стоил. Напишу вам туда 125 евро, что это всё стоит, чтобы вы не попадали на какие-нибудь налоги». Я говорю: «Очень хорошо». Выписывает мне на бланке этого магазина инвойс, пишет какие детали и сколько стоит, ставит свой штампик такой и давайте, значит, расплачиваться. А жена моя уже была наготове. И она уже полезла в сумочку и держала руку в сумочке, в руке у неё там внутри сумочки была зажата банкнота 500 евро. Это важно, кстати. И у меня тоже были какие-то деньги. Я смотрю — она держит 500 евро в руке внутри сумочки, как будто боится, что её обкрадут. Дамочка такая у меня, да. Я жене говорю: «Сейчас, подожди, пока не доставай, сейчас мы разберёмся, сколько итога».

Я лезу в свой портмоне и вижу, что у меня там есть какая-то сумма, покрываю купюрами 100—200 евро. Я говорю: «О, не надо. У меня есть». Просто смотрю, у меня ещё есть 500 евро одной банкнотой. И думаю: «Давай-ка я сейчас свои 500 евро разменяю». Даю хозяину

лавки 500 евро из своего кошелька. Жене говорю: «Можешь успокоиться». Продавец смотрит на меня, на эту купюру 500 евро. Делает задумчивое лицо, выдерживает паузу, потом говорит: «Сейчас, сейчас я приду, разменяю». Уходит куда-то в подсобку и приносит мне сдачу, отдаёт мне сдачу. Я думаю: «Вот отлично, у меня теперь есть мелкие купюры, чтобы можно было теперь нам ещё пообедать, проехаться». Может быть, что-то ещё купить и так далее. Почему это важно? Почему вот этот на этом моменте с банкнотой в 500 я остановился? Потому что, как я знал к этому моменту из предыдущей своей поездки в Германию, свободно разменять купюры 500 евро даже в кассе на вокзале в Берлине невозможно. Невозможно. «Кайн умтауш» — вам скажут в любой кассе. Почему? Во-первых, это, в принципе, достаточно крупная купюра. Это самая крупная купюра в еврообороте. За 500 € можно было даже купить какую-нибудь очень старую ушатанную машину, которая будет на ходу. Понимаете? 500 евро — это, в принципе, такие достаточно серьёзные деньги были на тот момент. Вот видите, даже 325 евро стоил пистолет. То есть, за 500 евро можно было работать неделю, наверное. И, что характерно, купюры по 500 евро, как правило, были в ходу у всяких преступных группировок Восточной Европы и Западной Европы, вообще внутри ЕС. Большие деньги, они немного места занимают, короче — наркомафия, оружейная мафия, проституция — всё это на больших наличных деньгах. И, конечно, они оперировали именно пятисотевровыми купюрами, именно поэтому было очень много подделок. Так что даже на главном вокзале в Берлине, в кассе, когда я показал 500 евро-купюру, передо мной просто закрылось окошко, сказали: «Нет, тут нет обмена». Я говорю: «А куда мне идти?» Я хотел просто купить билет и дал кассирше эту купюру. Она замахала руками: «Нет, не могу вам, нет размена. Не будет размена». Я удивился, так и не поверил. Она говорит: «Идите в Сберкасса, в шпаркассе идите, вот там вам разменяют». Типа тысячу уровней защиты надо будет проверить, не поддельная она или ещё какая, и тогда только можно будет разменять. А здесь в оружейном магазинчике этот мужик, в общем-то, тоже человек непростой, да? Оружейник — человек, который обращается с оружием, к которому заходят самые разные люди в магазин. Он тоже, видимо, понял, что я не самый простой человек, но и не мошенник. Наверное, он меня правильно оценил и понял: «Ладно, всё, ОК». Проверил там у себя в подсобке эту купюру на подлинность, может, её понюхал, просветил, вынес сдачу — аллес окей. Потом мы с ним ещё немножко пообщались. Уже когда сделка состоялась, я пластиковый пакет с этими запчастями к себе в карман убрал, и мы уже просто беседовали.

— А вы, — говорит, откуда вообще сами-то?

— Так мы из Москвы, из России.

— Ага, понятно. У вас очень хороший немецкий хойдойч, у вас очень хороший немецкий язык.

— Спасибо, спасибо. Всё-таки учусь в Гёте-Институте.

— Да, это видно, что у вас очень хороший разговорный немецкий язык.

Решил он меня, видимо, так обласкать, приголубить морально. Мы немножко так ещё пообщались на какие-то темы, пожали друг другу руки, он был доволен, и я был доволен. Я был очень доволен. Мы вышли из магазинчика, действительно, в преддверии Пасхи немецкой всё так и замирает. Ещё мы немножечко походили по Майнцу, побродили, где-то ещё перекусили, что-то съели, посмотрели на немцев, ничего сверхъестественного там нет.

Зашли ещё в какой-то магазин дамской одежды, купили жене за 150 евро трое стретч-брюк, разных цветов, фасонов и покроев. На боковой улице в неприметном павильончике продавщица-турчанка нам продала. Такая турецкая уличная мода в Германии. И мы, довольные, поехали обратно к себе в отель. У нас ещё впереди была запланирована поездка в Висбаден, который находится недалеко от Майнца, но не в этот день, а в другой день мы ещё намеревались туда попасть.

Я вам скажу так, что Висбаден — это город покрупнее, но не настолько красивый и не настолько интересный с визуальной точки зрения и с точки зрения достопримечательностей,

как Майнц, хотя тоже находится на берегу Рейна, но чуть поодаль. Висбаден — он утилитарный, торговые центры, автобусы, всё как-то ездит, всё как-то туда-сюда двигается. И оружейного магазина я там не нашёл. Там была только одна какая-то лавка, похожая на антикварную. Высокий немец стоял за прилавком и я ему говорю: «У вас есть что-нибудь из исторического, немецкие каски, может быть, пряжки, фляжки?» Он на меня так свысока посмотрел и говорит: «Не-не-не, вот нацистского ничего нет, вообще ничего нет, и не бывает никогда». Я говорю: «Ну, может быть, там это...». «Нет, — говорит, — никогда ничего не бывает». Хотя по его роже было видно, что он в третьем поколении нацист, и всё это у него дома есть, и всё у него бывает. Но мне он, видимо, не стал продавать, потому что разговаривал я, конечно, с русским акцентом, и был очень подозрительным, видимо, для той публики, которая всегда туда заходит.

Как менты проводят проверочную закупку холодного оружия

Было это в феврале 2013 года, где-то в начале месяца. Я тогда вставал достаточно рано, и практически сразу после того, как я проснулся, позавтракал и привёл себя в порядок, раздаётся телефонный звонок. Снимаю трубку, и мне незнакомый мужчина с незнакомого номера говорит.

— Доброе утро, увидел ваше объявление о продаже кортика Люфтваффе и хотел бы его у вас приобрести сегодня. Это возможно?

— Да, возможно.

— Хорошо, только вот я не смогу к вам подъехать. Я на работе, к сожалению. А сам живу не в Москве, работаю в Москве. Может быть, вы ко мне сможете подъехать?

— Где вы работаете? Куда нужно подъехать?

— Это район у МКАД, торговый центр. Когда сможете быть?

— Ну, мне нужно часа полтора-два, наверное, чтоб до вас добраться спокойно. Свои дела тут доделаю и к вам смогу заехать.

— Хорошо, я вас буду ждать, давайте договоримся. Как подъедете, наберите меня.

Я подумал — да, интересная тема, но что-то странное такое, потому что по логике сделок обычно так никогда не происходило. Этот кортик Люфтваффе был антикварный, раритетный до 1945 года, я вам даже больше скажу — он был образца и выпуска 1935 года.

Только-только Люфтваффе у немцев появились, своих лётчиков было не очень много. Они всех отмечали кортиками хорошего качества. Насколько я помню, это был кортик фирмы Золинген. Он был с ножнами, с прекрасной отделкой, жёлуди были на них и дубовые листья. Подвес был оригинальный, подковообразный тип застёжек на подвесе. Был в полном наборе. Там не хватало только темляка, но он мог быть навешен отдельно и вообще присваивался в качестве какого-то отличия во время выслуги офицера. А этот был без темляка. Я собрался, взял кортик с собой и думаю: «Возьму-ка я с собой ещё „эмпэху“». Мало ли что, вдруг пойдёт разговор, вдруг человек состоятельный, я смогу ему предложить ММГ МП-40. Может, разговоримся, может посмотрит, подумает, купит». Завернул ММГ МП-40 1943 года выпуска в картон, замотал скотчем и бросил между передним и задним сиденьем к себе в машину. Вот это такой неказистый свёрток. А кортик положил в пакет и поехал в сторону МКАД из центра. Где-то часа полтора мне пришлось потратить, чтобы с утра добраться. Это был февраль, снежная погода, холодная, такая ненастная. Через МКАД я проехал, нашёл по адресу этот торговый центр. Нашёл с большим трудом свободное место, чтобы оставить машину. Закрыл её, подошёл ко входу в торговый центр и звоню этому господину. Будем называть его Дамиром.

— Добрый день, я подъехал. Куда дальше?

— Никуда дальше идти не надо, я сейчас сам подойду. Тут работаю недалеко.

Я стою, жду. Вдруг ко мне со стороны подходит достаточно молодой мужчина, моложе меня лет на восемь, наверное. Восточной внешности, судя по его имени, какой-то Дамир. Может, татарин, а может, таджик, а может быть, кавказец. Да Бог его знает. Думаю — так как-то странно он выглядит. На нём была наброшена, знаете, так надета небрежно куртка чёрная с надписью «Охрана». Он ко мне подходит и говорит: «Добрый день, добрый день! А где предмет?» Я говорю: «Вот, говорю, в пакетике, смотрите». Он как-то начал спешить: «Ага. Хорошо, сейчас тогда я вам заплачу». Лезет в карман и в своей этой форме, как мне показалось, что она великовата ему, реально, вот прямо как будто с чужого плеча эта форма была надета, достаёт пачку денег. Сколько там? Вот 35 тыс. руб., даёт мне в руки. Я даже не пересчитываю, смотрю, там вроде нужная сумма. Кладу это всё в бумажник, кладу к себе в карман. Он говорит: «Ну,

всё, спасибо». И в этот момент ко мне со стороны, смотрю краем взгляда, подходит ещё один человек и тоже здоровается: «Добрый день, добрый день».

Уже стоит рядом в кожаной куртке мужчина крепкого телосложения, с короткой стрижкой. И этот Дамир тоже вдруг преобразается из покупателя, он становится таким очень живым, заинтересованным. Мужчина в кожаной куртке сказал мне, что это проверочная закупка, я такой-такой-то оперуполномоченный отдела полиции, мы проводим розыскные и следственные действия.

— Вот сейчас мы произвели проверочную закупку холодного оружия. Выдайте деньги, которые вы получили только что.

— Да, пожалуйста. Только давайте так: сразу понятых сюда. И под акт.

Он не ожидал такого сразу активного хода с моей стороны. «Понятых? Да, понятые сейчас будут». И отправил этого самого Дамира, говорит ему: «Так, сгоняй быстренько, найди понятых. А мы пока тут постоим с вами». И мы с ним стоим. Я совершенно спокойно стою и думаю: «Что за подстава? Что за милицейская пакость, подлость! Некрасивая, неприятная история. Сейчас надо будет из неё выкручиваться каким-то образом, непонятно, к чему это всё приведёт. Куда это всё сейчас выведет, этот разговор понятые, протокол? Но, по большому счёту, вот он, вот он тот самый момент. У меня хотят просто предмет отобрать. Под предлогом того, что это холодное оружие. Я сразу прокручу варианты. Ладно, мальчик. Значит так, мы тебя не видели, ты нас не видел, но это холодное оружие, ты знаешь, что тебе грозит за это 222-я. Короче, предмет мы забираем, а ты иди отсюда и будь здоров. Деньги отдай. Вот и всё».

Я подумал сначала, и у меня было чёткое такое ощущение, что меня хотят кинуть. Меня хотят как будто кинуть на этот кортик. Я решил: «Нет, меня кинуть у вас не получится».

Через 2—3 минуты пришёл этот Дамир с двумя какими-то помятыми мужчинами и говорит: «Вот это понятые. У них есть паспорта, они готовы всё это зафиксировать». Открывает пакет мой, в котором лежал кортик, показывает им кортик и говорит: «Этот мужчина только что продал мне в ходе проверочной закупки этот кортик, а деньги я ему передал, деньги у него в кармане».

Я достаю свой портмоне, достаю оттуда деньги. Говорю: «Вот, пожалуйста, вот то, что мне передал. Да, сделка состоялась. Да, так и было».

— Ну да, отлично всё. Деньги у нас все по номерам переписаны, так что вы не волнуйтесь. Всё в порядке. Сейчас мы с вами проследуем в отдел и там будем уже разбираться со всей этой историей. Вы на машине?

— Да, я на машине.

— Это хорошо, а то пришлось бы сейчас нам «бобика» вызывать. Ладно, все поместимся в две машины.

Мужчина этот, давайте его будем называть оперативник Стас, со мной пошёл к моей машине. Мы подошли, я её открыл, он посмотрел, что в машине никого нет.

— Хорошо, ладно. Давай одного понятого сюда в машину. Я сяду с ним.

Я сел на водительское сиденье, рядом сел вот этот опер Стас, и сзади в маленькой моей машинке на пассажирском сидении разместился некий неказистый мужичонка, которого они представили одним из понятых. В другой машине поехали Дамир с ещё каким-то сотрудником, который потом тоже нарисовался. Я не запомнил его, он потом больше нигде не фигурировал. Видимо, был третий в их группе для подстраховки. И ещё один понятой. Когда они сели в другую в машину и поехали, то этот Стас скомандовал: «Ну, давай, следуй за этой машиной. Тут недалеко». Действительно, ехали мы недалеко, доехали до окраины этого района, стоят новостройки и совсем нет машин. Народу совсем там было мало. Опер говорит: «Так, ладно, всё, выходим. Вот наш отдел. Оставляем машину здесь пока. Пойдём сейчас поговорим, пообщаемся». Говорит так, глядя на меня.

Я говорю: «Ну, хорошо, пойдёмте».

Мы вылезли из машины. Я, опер Стас и этот понятой, помятый мужичок, я его даже не запомнил, там не на что было смотреть. Пока он сидел на заднем сидении, то ногами своими попирал, пинал ММГ немецкого пулемёта МП-40, который был завёрнут в картонку. Она ему мешалась, он не знал, куда ноги деть. В общем, он вылез.

Я ему говорю: «Аккуратнее, там запчасти у меня лежат от машины, осторожнее. Не ударьтесь ногой, железка там тяжёлая». Закрыв машину, оставил её на парковке рядом с этим отделом. И мы все этой кавалькадой прошли внутрь отдела, поднялись на второй этаж. Опер похозяйски провёл в свой кабинет, говорит: «Ну, садись, присаживайся или садись, как хочешь, от тебя зависит дальнейшее, что будет». Такой, знаете, ментовской юмор продемонстрировал сразу. Говорит: «Сейчас будем оформляться, сейчас это всё начнём». Я молчу, ничего не говорю и совершенно спокойно себе говорю: «Ну, всё, я присел на стульчик, что мне делать?» Во-первых, как таковой факт передачи денег — ничего тут такого не было не зафиксировано нигде, ни на видео, никак. Поэтому тут от меня могут они добиться только лишь чистосердечного признания, добровольного раскаяния и прочего. Если же я начну говорить, что ничего не было, ничего не состоялось и ничего, собственно. А что произошло? Ничего не произошло! Можно попробовать, поскольку они тоже работали, знаете ли, спустя рукава. То есть никакого видео и фото. Просто «на базаре» лихо наскоком налетели с проверочной закупкой, и «на базаре» мы съедем. Я же не сопротивлялся, согласился пойти с ними в отдел. Вот «на базаре» мы и зашли в этот отдел».

Значит, совершенно спокойно, думаю, я могу съехать с этой темы, но тогда, скорее всего, мне придётся отказаться от предмета. Ведь меня спросят: «Что это такое?» Если я скажу, что это кортик, то они скажут: «Хорошо, вы при себе имели холодное оружие». Допустим. Ну и дальше могут раскрутить с помощью этих понятных, что действительно имелся факт передачи денег, а это значит — осуществлена купля-продажа ХО.оборот уже имелся, а это ст. 222 УК РФ, часть четвертая. Но и тут, в принципе, я мог бы съехать, но это опять же уже сложнее. А если отказаться: «Я знать не знаю, ведать-не ведаю, денег не в руки не брал, и кортик не мой». Тогда вообще можно начисто съехать. Может, они этого только и ждут? Но это уже попахивало просто кидаловом на кортик, чего я не хотел, чтобы произошло. Я решил пока что наблюдать за ситуацией и думать, что там будет. Этот господин опер, пока я сидел один в кабинете, ходил по другим кабинетам, о чём-то с кем-то разговаривал. Они записывали паспортные данные помятых мужчин, которые писали объяснительные: «Я такой-такой такой-то, присутствовал при факте выемки денег у гражданина такого-то». Эта вся бумажная волокита длилась недолго, минут 30—40. Недолго.

Я за это время прокручивал в голове разные варианты, как же мне поступать в дальнейшем, был занят своими мыслями. Потом приходит этот господин и говорит: «Ну, что, как будем поступать в этой ситуации?» Спрашивает он меня. Он меня спрашивает и смотрит. Я отвлекаюсь от своих мыслей и говорю ему: «Вы знаете, тут вопрос очень простой. Сейчас я сделаю один звонок. Я не знаю, сейчас работает в этот день прокуратура? Я говорю: «Сегодня суббота, сегодня прокуратура, я не знаю, у вас работает, местная? Сейчас мы позвоним по одному номеру (говорю я ему, глядя в глаза) и все эти волнения, и все беспокойства — они сейчас быстро, мгновенно закончатся. Давайте сделаем так?» Он внимательно меня выслушал. О чём-то подумал: «Ладно, я сейчас приду, разберёмся». Куда-то ушёл. Его не было минут, наверное, десять. Потом он вернулся и говорит: «Ну что, сейчас вот быстренько с экспертом поговорил, это же у тебя холодное оружие. Сейчас экспертизу быстренько проведём, и всё — как холодное оружие оно у нас пойдёт по-любому». Я говорю: «Ну, смотрите, вы, может быть, знаете, что вы делаете, но на самом деле это антикварный предмет до 1945 года, оригинал фирмы «Эйкхорн Золинген», стоимость его такая-то. В случае порчи антикварного предмета будете отвечать вместе с экспертом по всей строгости. Смотрите, смотрите сами». Он говорит: «Ну, да мы сейчас проверим». Достает кортик из ножен и замахивается лезвием над небольшим,

но очень плотным железным сейфом, прямо железным его ребром. Угол сейфа 90°, угол из металла. Говорит: «Сейчас мы стукнем, он как — выдержит, не выдержит?» И смотрит издевательски на меня. Я говорю: «Ну, смотрите сами. В принципе, вещь цены немалой. Сможете потом оплатить это всё или нет?» Он говорит: «Ну, ладно, не будем портить вещь». Снова куда-то ушёл. Потом снова вернулся: «Сам-то хочешь что-то сказать?» Я говорю: «Во-первых, статья 51 Конституции существует, и ничего я тут говорить не буду. С вашей стороны, это обычная провокация, самая что ни на есть, грубая. Что тут ещё я могу сказать? Обычная милицейская провокация». Он посмотрел на меня, говорит: «Ладно, слушай, значит так. Мы тебе отдаём предмет. Мы тебя не знаем, ты нас не знаешь. Хорошо?» Я говорю: «Хорошо». Так, слушаю дальше его.

— Всё, значит, предмет отдаём. Можешь идти. Я тебе должен сказать следующую вещь, просто тебя предупредить, что на самом деле это должно делаться через антикварный магазин, такие продажи нужно делать через юридическое лицо или через эксперта. Вот тогда это будет всё чётко и полностью законно. А так ты очень-очень тут рискуешь, очень тут рискуешь.

Опер мне это сообщает как будто мне давнишний друг. Я чувствую, что, по-моему, вроде мне удаётся выскочить из некой опасности, причём продолжаю вести себя спокойно.

Совершенно pokerфейсно говорю: «Ну, да, хорошо, допустим так». Совершенно спокойно себя веду. Он мне отдаёт пакет с кортиком. Я на него смотрю, думаю, и не верю, не верю до самого последнего момента, что действительно меня выпускают спокойно, ничего с меня не потребовав, никакого даже психологического насилия не применив.

То есть всё вроде оборачивается ровно и достаточно быстро. Хотя я уже настраивался на то, что будет бодание, будут не то, чтобы скандалы, а будут какие-то нажимы, попытки манипулировать. В спокойном состоянии уже ощущаю, что мы спускаемся вниз, снова через этот пост КПП проходим на улицу. Опер меня провожал, говорит: «Ну, всего доброго». Протянул руку, я пожал ему руку: «Ладно, всего доброго, до свидания, всё». Он вернулся к себе в ментовской отдел, я пошёл к своей машине. И думаю: «Да! А сейчас, может быть какая-то подстава ещё очередная, может, я самое-то главное недопонял, что-то недопрокачал в этой ситуации?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.